

В. М. Давыдов¹**«АЛЬЯНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ» — ИСТОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ**

Переходный характер нашей эпохи общепризнан. Его связывают с движением от индустриального к постиндустриальному обществу, от пятого к шестому технологическому укладу, к глобализации как доминанте мирового развития, от биполярного и затем квазиднопольного миропорядка к многополюсной структуре планетарного сообщества. В обстановке мирового экономического кризиса, выделяющегося в ряду ординарных циклических перепадов, справедливо ставится вопрос о переходе к новой парадигме экономического развития, иной экономической политике.

В других интерпретациях — с серьезными на то основаниями — переходность ассоциируется с формированием предпосылок доминирования интегральной цивилизации, планетарно универсальной. С этой концепцией, плодотворно развиваемой в произведениях российских ученых Б. Н. Кузика и Ю. В. Яковца², можно солидаризироваться с пониманием ряда обстоятельств. Во-первых, того, что перспектива подобного перехода уже наметилась, но его историческая дистанция выходит далеко за пределы не только предстоящих десятилетий, но и нескольких поколений. Во-вторых, с пониманием неизбежной проекции в будущее так называемых «локальных» цивилизаций — крупных частей мирового сообщества, воспроизводящихся на основе определенного социокультурного родства, системообразующим началом которого служат мировые религии, несущие особый генетический код соответствующего цивилизационного макросоциума.

Далее следует учитывать, что универсализация не равнозначна унификации планетарного пространства, которая не привносится глобализацией. Пока мы наблюдаем противоположное. Неодолимо увеличивается разрыв в уровне экономического развития и социального благополучия стран и народов, принадлежащих к разным «локальным» цивилизациям. Это служит одной из объективных основ интенсификации международных миграционных потоков. К сожалению, на настоящий момент мы не видим в реальности тех факторов, которые способны существенно противодействовать нарастающему разрыву и соответственно эффекту отторжения/притяжения мигрирующих масс.

¹ Директор Института Латинской Америки РАН, доктор экономических наук, профессор. Член бюро Отделения общественных наук РАН.

Автор свыше 180 научных публикаций, в т. ч. книг: «Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века = España», «Феномен финансовой глобализации. Универсальные процессы и реакция латиноамериканских стран», «Современный финансово-экономический кризис. Реакция нарождающихся рынков и центров мировой экономики», «Куба 90-х: модель «переходной» экономики и сотрудничество с Россией» и др. Член редколлегии Малой российской энциклопедии, научного журнала Кембриджского университета, журналов «Латинская Америка» и «IBEROAMERICA», член президиума Национального комитета содействия экономическому сотрудничеству со странами Латинской Америки. Академик-корреспондент Португальской академии культуры.

² См.: Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. М., 2006. Т. 1.

Противоречивым образом в русле современной практики мы, не имея достаточных теоретических обоснований, видим тенденцию усиления самоидентификации параллельно экономической и технологической глобализации. Во многих случаях локально цивилизационный социум проявляет инстинкт самосохранения. И, наверное, это должно служить своего рода историческим предупреждением. Не следует ожидать быстрого поглощения глобализацией локального цивилизационного своеобразия. У него свои механизмы воспроизводства, которые, быть может, до сих пор не познаны современной наукой. Мы вновь убеждаемся в огромной инерционной силе цивилизационной детерминации развития.

Между тем интенсификация миграционных потоков, сопровождающая и в определенной мере выражающая глобализацию, сегодня ставит вопрос о масштабном иноцивилизационном влиянии. История предоставляет массу примеров того, что межцивилизационное взаимодействие имеет две стороны медали: одна — серьезные (часто разрушительные) издержки иноцивилизационного вторжения; другая — продуктивность межцивилизационного взаимодействия.

Сегодня мы констатируем, что процесс «вестернизации», стартовавший, наверное, в эпоху Великих географических открытий, находится на исходе, появляются признаки его замещения (пусть пока не очень осознанного) процессом «истернизации». Но эффект «плавильного котла» ассимиляции уже не срабатывает. В ходе масштабной трансграничной миграции этнически иноцивилизационные вливания создают «критическую массу», обеспечивающую самовоспроизводство культурной идентичности. Такой феномен проявляется в США, которые постепенно превращаются в двуязычное общество, а также в ряде западноевропейских стран. Концепция «пограничной» цивилизации, применявшаяся российскими учеными (Я. Г. Шемякин, Б. И. Коваль, С. И. Семенов)³ для определения исторического своеобразия России, Испании и Латинской Америки, сегодня приобретает дополнительный смысл. Качество «пограничности» начинает характеризовать ранее однородные моноцивилизационные социумы Запада. Понятия «мультикультурализм», «поликультурализм» перестают быть академической абстракцией, становясь определяющей характеристикой общественного бытия в обширных ареалах современного мира.

Качество «пограничности» социума усиливается не только вследствие интенсификации международной миграции, но и в результате регенерации ранее подавленных и маргинализированных автохтонных этносов. Наиболее яркий пример — ны-

³ См.: Шемякин Я. Г. Европа и Латинская Америка. Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001.

нешняя ситуация в «индейском поясе» Латинской Америки¹.

Смена официального наименования страны (согласно последней боливийской конституции) на формулу «многонациональное государство Боливия» — не юридическая формальность, а серьезный исторический симптом. Со второй половины XX века демографическая динамика индейских этносов превосходит прирост белой креольской массы и даже метисного слоя. Здесь в Боливии (возможно, в наиболее явном виде), а также и в других латиноамериканских странах с большим удельным весом автохтонного населения происходит то, что мы называем «индейским Ренессансом», — количественное, затем духовное возрождение и, как следствие, все более активное вхождение индейских масс в политику. Индихенизм «сверху», индихенизм патронажа и покровительства, характерный для XX века, замещается индихенизмом «снизу» — протестным, политически организованным, порой принимающим самые радикальные формы.

Современный индихенизм сегодня пересекается с альтерглобалистскими движениями, противопоставляя себя «вестернизации». В то же время он нередко (боливийский пример, отчасти перуанский и эквадорский) постулирует и реализует возвращение к традициям автохтонного общинного бытия, в частности в судебной практике, отношениях человека и природы, отношениях к собственности, семейной этике. Все это создает немалые риски и реальные конфликты.

Рисками чревата и переходность иного рода. В какой мере наши стремление и позитивное ожидание многополярного мира свободны от идиллических представлений? Похоже, мы не в полной мере отдаем себе отчет в том, что, несмотря на объективную обусловленность перераспределения сил и влияния на мировой арене, динамика восхождения—нисхождения (тем более окрашенная в цивилизационные цвета) способна вызвать не только серьезные осложнения, но и катастрофические события. Это произойдет в том случае, если мировое сообщество не будет извлекать уроков из собственной истории, если оно не научится вырабатывать адекватные механизмы нейтрализации рисков переходности, своевременно дезактивировать мины замедленного действия — назревающие конфликты.

Не думаю, что сегодня у кого-то найдутся рецепты лечения обнаруживающихся или ожидаемых болезней переходности. Рецепты вырабатываются жизнью, практикой международного общения. Однако мы уже имеем одно из своевременных и адекватных решений — инициативу правительства Испании, поддержанную правительством Турции и принятую ООН в качестве одного из важнейших направлений своей деятельности.

Речь идет о проекте «Альянс цивилизаций», о котором на предыдущих Лихачевских чтениях убедительно рассказывали Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации Хуан Марк Пужоль и экс-

президент Португалии, а ныне Высокий представитель Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций» Жоржи Сампайо². «Соавторство» Испании и Турции в данном случае выглядит символично, поскольку обе страны представляют ситуации цивилизационной пограничности, а значит, чувствительны к проблеме преодоления разделительных межцивилизационных линий. Проект «Альянс цивилизаций» получил широкий международный резонанс. Он действительно отвечает насущным потребностям времени, особенностям нынешнего сложного исторического этапа. Располагая гуманистической идеологической основой, способной привлечь к сотрудничеству протонистов различных «локальных» цивилизаций, он обращен в практическую плоскость, предполагает широкое использование государственных и негосударственных факторов и их солидарное воздействие на наиболее чувствительные сферы. В сфере особого внимания Альянса:

- образовательно-воспитательная сфера;
- молодежная политика;
- миграция;
- средства массовой информации.

Иными словами, речь идет о ключевых направлениях целенаправленного формирования нового общественного сознания в духе толерантности и сотрудничества.

Хочется надеяться, что очередной, Третий форум Альянса, который должен состояться в Бразилии одновременно с Лихачевскими чтениями, придаст дополнительный импульс мощному международному движению, которое зарождается в русле идеологии и практики «Альянса цивилизаций». Бразилия, которая во всемирной истории предстает как символ симбиоза культур и веротерпимости, является благодатной почвой для нового этапа борьбы за превращение «Альянса цивилизаций» в международную реальность.

Форуму Альянса символически предшествует другой — Второй саммит БРИК (устоявшаяся аббревиатура от названия четырех быстро развивающихся стран: Бразилии, России, Индии и Китая), созванный на бразильской земле. Формат БРИК открыл перспективу конструктивного взаимодействия четырех восходящих центров мировой экономики и международной политики. Но дело не только в крупном экономическом, ресурсном и демографическом потенциале четырех гигантов. Каждый из них представляет мощную цивилизацию, способную оказывать определяющее воздействие на судьбы мира. Совокупный авторитет БРИК и пример межцивилизационного взаимодействия в этом формате призваны внести весомый (а возможно, и решающий) вклад в нейтрализацию рисков переходности. БРИК — одна из новых международных структур, которые сегодня вырабатывают механизмы будущего глобального регулирования, гарантирующего устойчивость развития мирового сообщества.

¹ См.: Давыдов В. М. Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. М., 2006.

² См.: Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 года. СПб. : СПбГУП, 2009.